

Понятие гетеротопичной среды и экспериментирование с ней как с условием устойчивого нецеленаправленного действия

Светлана Баньковская*

Аннотация. Пространство современного мегаполиса рассматривается в статье с точки зрения инвайронментальной перспективы — как консистентная, активная и развивающаяся в соответствии со своей внутренней логикой среда, способная воздействовать на человеческое действие и упорядочивать его. Креативность среды рассмотрена в контексте аккумулируемых в городском пространстве эффектов контрфинальности и гетеротопии.

Ключевые слова. Гетеротопия, креативность городской среды, контрфинальность, не-целенаправленное взаимодействие, ситуационизм.

Пространство города (особенно — современного города) изначально было в центре внимания социальных исследователей как та естественная среда, в которой социальное во всем его многообразии проявляется с наибольшей очевидностью и четкостью. Можно сказать, что и социология как автономная наука берет свое начало в исследованиях (теоретических и эмпирических) городской среды, процессов, событий, в ней происходящих, социальных типов и моделей поведения, в ней формирующихся (Баньковская, 1991). Социальные проблемы в основе своей — проблемы города, а современный город — естественная среда, в которой «цивилизация и социальный прогресс приобрели характер некоего контролируемого эксперимента» (Парк, 2008а: 29). Город — это естественная среда обитания «социального», поскольку город — это мир, созданный человеком для своей — *человеческой* — жизни, созданный сообща с другими людьми, и поэтому именно эта среда и преобразовывает его, превращая в человека современного со всеми его характерными чертами: пересаженный в город человек как никогда ранее становится проблемой для общества и для самого себя.

Именно в этом смысле город стал для первых социологов «лабораторией», где создавался новый социальный тип — «человек современный», эмансипированный от власти традиций, с его анонимным индивидуализмом, приспособляющим его к жизни в толпе, и с его характерным городским беспокойством, вписывающим ритм его повседневной жизни в ритм жизни мегаполиса.

Преобразующая власть среды над человеком трактовалась в этой изначальной социологии пространства как принудительная сила «социального факта», внешнего по отношению к индивидуальному действующему, но в то же время и проявляюще-

* Баньковская Светлана Петровна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ, профессор кафедры анализа социальных институтов НИУ ВШЭ, sbankovskaya@gmail.com

Статья написана по результатам исследования, проводившегося в ЦФС в 2006–2008 годах при поддержке Фонда «Территория будущего». См. также статью: Филиппов А. Ф. (2009). Пустое и наполненное: трансформация публичного места // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 16–29.

© Баньковская С., 2011

© Центр фундаментальной социологии, 2011

гося в совокупном человеческом действии. Отличающее человека от других живых существ свойство — обладание разумом, рефлексией — безусловно, связывалось со способностью «отражать» (рефлектировать) состояния среды, а разум воспринимался «как частный случай перемещения», не движения вообще, но перемещения, т.е. перемены места в пространстве. Способность перемещаться в пространстве, изменять местоположение и наблюдаемую картину стала первейшим условием формирования «тех ментальных способностей, которые более всего и характерны для человека, а именно — навык и привычка мыслить абстрактно» (Парк, 2008b: 54), обобщать, проецировать в будущее, экстраполировать на другие ситуации. Именно социально-пространственная характеристика среды (а не субстратная, как в географическом детерминизме) и определяет самую природу общества, состоящего из независимо, но относительно друг друга перемещающихся индивидов, способных благодаря наличию у них местоположения к коммуникации. Коммуникация, в свою очередь, скрепляет то «динамическое неравновесие», которое мы называем обществом. Социальная природа, таким образом, оказывается связанной непосредственно с пространственным порядком, а всякое социальное образование предполагает прежде всего организацию пространства (закрепление того или иного размещения), которая и стала основным предметом исследований первой социологической школы, вооруженной теорией «экологии человека» (Парк, 2002). Идея «экологии человека» как основание исследовательского проекта в социологии и основание социологии как исследовательской науки опиралась на социальную философию «Социологии пространства» Зиммеля, с одной стороны, и на американскую социальную географию с ее идиографической конкретностью и романтикой фронта — с другой. Именно такого рода теоретически ориентированные исследования обеспечили особую креативность взгляда на городскую среду как на «живую», вечно изменчивую, подвижную составляющую естественно-социального континуума. В этом континууме происходит и социализация человеческой природы, ее обобществление, и формирование социального организма в целом, который состоит из индивидов, прежде всего способных к передвижению. Перемещение как конкуренция за пространство, приобретающее характер коллективного поведения, образует экологическую структуру общества, его пространственный порядок, обуславливающий ход и характер конкуренции на последующих уровнях социальной организации — политическом, экономическом и культурном, где пространственная конкуренция не устраняется, но контролируется. Личная свобода отдельного человека также соотносится прежде всего со свободой передвижения как с основополагающим фактором социальности. «Свобода» наряду с «размерами», «сложностью» и «скоростью» в экологии человека Парка представляется одной из важнейших характеристик общества. Что это за «свобода»? Во-первых, наиболее фундаментальная свобода, необходимая для существования любой формы жизни, превосходящей растительную, — свобода *передвижения*, позволяющая видеть и осваивать мир; во-вторых, свобода конкуренции *за место* в общей экономике; в-третьих, свобода конкуренции *за место и статус* в социальной иерархии; и, наконец, свобода самовыражения, где основными ее ограничителями выступают традиции, нормы. Очевидно, что в основе всего многообразия свободного проявления личности полагается ее освобождение от локалистских традиций: «До тех пор, — пишет

Парк, — пока человек привязан к земле... пока ностальгия и обыкновенная тоска по дому владеют им и возвращают его к хорошо знакомым местам, он никогда полностью не осознает характерного для человека стремления — перемещаться свободно и беспрепятственно по поверхности мирского и жить, подобно чистому духу, в своем сознании и воображении». В этом смысле даже разум воспринимается как «процесс, посредством которого определяется направление будущего движения, локализация в воображении искомой цели» (Park, Burdgress, 1926: 157).

Впоследствии попытки переосмыслить классическую социально-экологическую концепцию города шли в направлении социологизации и преодоления естественно-социального дуализма. Так, последователь Парка Луис Вирт (Вирт, 2005), стремясь очистить теоретизирование о городской среде от «эклектики», сконструировал «чисто социологическую» теорию городской жизни, где ее движущей силой и основным социальным процессом служит коммуникация, взаимодействие. Но до конца избавиться от экологизма не удастся: источником интенсификации коммуникаций по-прежнему выступает массовость городской жизни, т. е. скопление множества людей на ограниченной территории. Социальное обретает практический смысл лишь тогда, когда оно сводимо к пространственному; пространство доминирует в характеристике городской среды, а социальная экология становится наукой о наиболее общих формах проявления социальных процессов — о пространственно-временном измерении социального. «Понимание экологического процесса, — писал один из последователей Парка Р. Маккензи, — является основой для всех социальных наук, так как социальные и политические институты имеют пространственную основу, появляются и существуют в соответствии с изменяющимися условиями, в ходе перемещения и конкуренции» (McKenzie, 1937: 314–315). Исследования города во все большей степени оказываются ориентированными не на мелиористско-реформаторские задачи, но на формально-методологические. Разнообразные картины конфигураций и локализаций социальных агрегатов, конструируемые с помощью специальных экологических методов вроде социального картографирования, естественного зонирования, различного рода комбинирования социальных переменных с пространственными стали основным вкладом социально-экологического метода в эмпирическую социологию. Но изначально интриговавшие классиков причинные связи социальных организмов со средой их обитания и жизнеобеспечения, выраженные в предельно категоризированном «пространстве», остались теперь на втором плане в новом варианте формально-функциональной и пространственно-временной социальной экологии. На первый же план выступают то культурные детерминанты поселенческих структур, определяющие характер взаимодействия популяций со средой (социокультурная школа урбанистики), то структура социального процесса в городе, классифицируемая на множество социальных подсистем и переменных (неортодоксальная социальная экология А. Хоули (Hawley, 1955), то механизм функционирования «социально-экологического комплекса», состоящего из популяции, среды, культуры и организации (функционализм Л. Шноре (Schnore, 1955)). Социальная организация выступает основным агентом взаимодействия со средой, равно как и его главным результатом.

Функционалистский вариант социальной экологии, отстаивая ее дисциплинарную самостоятельность в рамках социологии, во многом способствовал и ее «социологизации», подчеркивая «реалистическую трактовку» социальной организации, значение «социальной среды»: социальная среда, как основополагающая система воздействий на человеческие популяции, практически замещает естественную. Теперь функциональной социальной экологии доступны довольно обширные и детальные описания социальных организаций, но поскольку причины их развития и изменений помещаются вовне — в среде, наделенной, в отличие от взаимодействующей с ней социальной организации, лишь одной функцией — пространственного размещения этой организации, — то причинные связи между компонентами «комплекса» не были обоснованы. Понятие же среды было фактически лишено качественной определенности и воспринималось крайне абстрактно — как совокупность главным образом ограничивающих условий вообще.

Креативные возможности среды в отношении преобразования взаимодействующих с ней социальных единиц (сообществ, групп, индивидов) если и не отрицались, то в целом игнорировались.

Возрождение интереса именно к этой стороне исследований в современном городе и возвращение к классическому смыслу этого интереса можно определенно наблюдать в современных теориях «нового урбанизма». Это направление урбанистики сформировалось под влиянием постструктурализма, теорий не-репрезентации, теории комплексности и ANT-теории. Город в этой новой интерпретации пронизывает собой все социальные отношения. «Город — везде и во всем», — провозглашают А. Амин и Н. Трифт (Amin, Thrift, 2002). С точки зрения «нового урбанизма» современный город — это «гибридное», «пористое», «транслокальное» образование, не место в пространстве, но «сайт», в котором пересекается множество сетей, более или менее протяженных и устойчивых во времени. Нечто подобное предвосхищал и Парк, когда представлял современный город скрещением культуры, экономики, цивилизации, где локальные и племенные культуры постоянно перемешиваясь, вскоре и вовсе исчезнут, где множество миров, пересекаясь, никогда полностью не взаимопроникают. Лучшим способом метафоризации этого гибридного существа можно считать «тело без органов» (BWO), предложенное Ж. Делёзом и Ф. Гваттари (Делёз, Гваттари, 2010) вслед за А. Арто (Artaud, 1968). Это своеобразная визуализация бесформенного, беспорядочного и нестратифицированного города, находящегося в постоянном процессе формации/деформации, «транзитивного номадического времени-пространства, которое не рассекает город ни на сегменты и вещи, ни на структуры и процессы» (Smith, 2003). Современные «новые урбанисты» предпочитают не пользоваться организмической метафорой классиков, стремившихся с ее помощью подчеркнуть то обстоятельство, что город растет и развивается как живой организм, неподвластный исключительно рациональному планированию. Однако они все же предполагают в качестве его основных характеристик спонтанность, непредсказуемость развития и роста, бесполезность механистических и строго функционалистских схем описания.

Но возможно ли в таком случае говорить о *взаимодействии* с крайне изменчивой, нефиксируемой в более или менее устойчивых показателях городской средой? Каким образом такая «гибридная», «ризомная», «текучая» среда современного города

взаимодействует со своими обитателями как с популяцией и с каждым отдельным ее членом? Каков может быть результат такого взаимодействия и какой тип «действующего» формирует (если формирует) эта среда? Благодаря каким именно своим качествам «среда» проявляется как *субъект* взаимодействия и способна направлять действия индивида внутри среды? Наконец, как возможно наблюдать такого рода воздействие и взаимодействие, если «значимые» действия (перформансы и практики) участников взаимодействия (т.е. собственно пространства городской среды и «действующего») не могут быть записаны, поскольку принципиально некогнитивны, импровизированны или нерефлектируемы, будучи доведены до автоматизма?

Креативность среды

Если классики полагали, что в городской среде многократно усиливаются и проявляются любые индивидуальные особенности человека, его пороки и добродетели, фантазии и фобии, скрытые и не всегда ему самому понятные наклонности, то, согласуясь с этим, можно предположить, что городская жизнь современного мегаполиса проявляет и гипертрофирует также и возможности городской пространственной среды — ее возможности к воздействию и взаимодействию с ее обитателями. Что является основанием такой возможности? Прежде всего тот факт, что городская среда (*environment*) аккумулирует и объективирует совокупные (не всегда согласованные, рациональные, наблюдаемые) действия своих обитателей и является тем непреднамеренным (в действиях каждого отдельного действующего), контингентным, эмерджентным результатом общих действий, воспринимаемым в форме пространства-времени и объективно обуславливающим и направляющим дальнейшие действия. Городская среда и качество ее обитания складываются из множества повседневных, вполне намеренных, рациональных и нерациональных действий ее обитателей, наглядно и наблюдаемо представляя собой равнодействующую совокупного коллективного действия городских жителей, которую вполне можно охарактеризовать и как «констелляцию» (в социологическом смысле этого понятия).

Далее следует отметить и контрфинальную природу такой констелляции как «городская среда». Контрфинальность¹ — разновидность «обратного эффекта», который проявляется как результат (равнодействующая) целенаправленных, рациональных действий множества действующих индивидов, не согласующих свои действия между собой. Необходимым условием контрфинальности является массовость целенаправленного стандартизированного действия, когда каждому из действующих доступны одни и те же цели и в равной мере известны наиболее эффективные средства их достижения. Однако расчет эффективности действия по достижению цели оправдан для единичного случая, когда же такое действие осуществляется множеством (причем неопределенным множеством) действующих и вдобавок к этому — одновременно, то итогом совокупного (массового, коллективного) действия становится принципиальная недостижимость искомой цели, и наиболее вероятным исходом яв-

1. «Контрфинальность» наряду с «субоптимальностью» рассматривается Й. Элстером как проявление неоднозначности и «отложенной» во времени противоречивости социальных процессов. См.: Elster, 1978.

ляется ситуация конфликта. При этом сложно просчитать заранее, когда именно, в какой конкретно момент времени наступит эффект контрфинальности, какое точно количество одновременно осуществляющих стандартизированное действие участников приведет к данной ситуации. Что такое «масса» в количественном выражении? Контрфинальность спонтанна, непредсказуема и зачастую неконтролируема. Это то естественное свойство среды, которое порождено ее пространственной характеристикой — массовостью, определенной степенью концентрации действующих на ограниченном пространстве, которым в равной степени доступны одни и те же цели и средства их достижения. Рациональное действие отдельного действующего в условиях массового исполнения лишается своих преимуществ эффективности, превращаясь в свою противоположность — неэффективное действие, когда само действие по достижению цели (растиражированное в массе) снижает шансы ее достижения. Результатом такого совокупного действия является ситуация, которая не только не входила в намерения каждого отдельного участника этого действия (действий), но и противоречит их ожиданиям и целям.

Городская среда с ее массовостью аккумулирует такого рода контрфинальные эффекты, отложенные по времени, непредсказуемые и соединяющиеся в разного рода констелляции. Городская среда современного мегаполиса — это своеобразный генератор контрфинальных эффектов, когда контрфинальность одной ситуации (в одном районе, в одной сфере деятельности, на одном административном уровне и т. д.) порождает контрфинальную ситуацию в смежных областях (по принципу цепной реакции). Уникальные для каждой среды контрфинальные ситуации составляют потенциал ее внешнего, принудительного воздействия на каждого отдельного действующего.

Восприятие такого воздействия среды предполагает реактивность как основную характеристику действия со стороны отдельного индивида, и в этом смысле можно говорить и о бихевиористских коннотациях «взаимодействия индивида и среды». Однако формально-абстрактное бихевиористское обозначение «среды» как совокупности ограничивающих условий достижения цели, требующих учета в расчетах эффективности и реакции в поведении, может быть дополнено «экологистским». Экологистское понятие среды представляет ее как особого рода пространственный порядок, аккумулирующий контрфинальные инварианты коллективного поведения в уникальную для данной конкретной среды констелляцию. В результате такого соединения «среда» приобретает собственно *субъектные* качества: она — не просто депозитарий материальных ресурсов или пространство размещения действующих в ней субъектов, но и независимое от отдельных действий воплощение их результирующей непредсказуемости (потенциальной опасности или благоприятствования), изменяющей как способ действия, цели действия, так и самое идентичность действующего. Иными словами, теперь можно говорить собственно о *креативном* характере среды, порождающей то «большее, что не является простой суммой» действующих индивидов и отдельно взятых действий. Как можно обозначить это «большее», в каких терминах? Очевидно, что спонтанность, нерегулярность, констелляционность проявления креативных характеристик среды не позволяют зафиксировать их в строгих однозначных понятиях; для этого пригодны, скорее, метафоры. Такого рода метафоры и

используются для описания (объяснения воздействий, прогнозирования изменений) городской среды «новыми урбанистами». Среди этих метафор можно выделить три основных: «транзитивность», «наложение отпечатков» и «ритмализм».

Транзитивность («проходимость», «пористость», «всеядность» города) предполагает пространственную и временную открытость городской среды, принципиальную неограниченность городского пространства, что позволяет городу постоянно формироваться и деформироваться, непрерывно изменять свой облик². Внутренняя структура городской среды также характеризуется «текучестью», «прозрачностью», «проходимостью насквозь» своих пространственных образований. Метафора отпечатков описывает город как воплощение непрерывности протекающего в пространстве города времени, как процесс наложения следов различных исторических эпох, как пересечение ежедневно прокладываемых путей движения вдоль и поперек города, а также и связи за его пределами. Наконец, метафора ритмализма (Lefebvre, 2004) изображает город как место, где сходятся многообразные *ритмы*, как дискретную временную целостность, где континуальность протекания времени в повседневной жизни города дробится на многочисленные и разнообразные циклы, чередования начала и конца, происшествия и события.

Все три метафоры сходятся в понятии гетеротопии³. Можно обозначить два уровня этого понятия: 1) гетеротопия как социальный факт (с производными проблемами наблюдаемости этого факта, фиксируемости, описания, объяснимости в целом) и 2) гетеротопия как «утопическая реализация» городской среды с ее культурной спецификой, гипертрофирующая характерные особенности данного конкретного города.

Взаимодействие с креативной средой

Какого рода действие со стороны действующего субъекта способно в наибольшей мере и с наибольшей очевидностью проявить креативные потенции среды? Иначе говоря, как возможно взаимодействие со средой? Или — как должен действовать субъект, чтобы взаимодействовать со средой? Взаимодействие усложняется еще и тем, что эта среда гетеротопична, не предполагает вполне определенных функциональных ограничений, когда мы четко знаем, что мы можем или должны делать в одном месте и чего не можем и не должны делать в другом.

Чтобы ответить на эти вопросы, следует несколько углубиться в структуру действия, относительно которого мы говорим, что оно совершается в среде. С формально-логической точки зрения действие — это осмысленное поведение, к которому применимо подлинно телеологическое объяснение (фон Вригт, 1986), т. е. объяс-

2. В. Беньямин на примере Москвы 20-х годов рассматривает транзитивность нового социализма, основанную на со-присутствии государственной бюрократической машины и молчаливых импровизаций индивидов, занимающихся неформальной торговлей и обменом. Транзитивность города проявляется в противостоянии новой монументальной архитектуры и нагромождения палаток и коробок, расставленных по тротуарам тысячами уличных торговцев, продающих все, что угодно (Беньямин, 2000).

3. Термин, предложенный М. Фуко для описания симптомов саморазвития и самовоспроизводства современного мегаполиса (Foucault, 1986).

нение посредством указания на цель действия: «Некто совершает действие для того, чтобы...». В собственно действии (с формально-логической точки зрения) различают два аспекта: внешний — наблюдаемый и внутренний — ненаблюдаемый. Внешний аспект действия предполагает, в свою очередь, два структурных компонента: непосредственное действие (телодвижение, или, как в нашем исследовании, физическое перемещение) и отдаленный результат действия (собственно факт действия, событие). Внутренний аспект действия также имеет два момента: интенцию (намерение) что-либо предпринять и цель (как объект этой интенции). Есть действия, лишённые внешнего аспекта (их чаще называют «мыслительными актами» или сознательным воздержанием от действия), а есть действия, в которых отсутствует внутренний аспект (рефлексы, автоматизмы). Социологов интересуют действия, обладающие и внешним, и внутренним аспектами, скорее даже их интересует сама связь между внешним и внутренним аспектами. Самым важным для социологического анализа является вопрос о характере этой связи: является ли эта связь номической или же логической? Как правило, это отношение формулируется на языке социологии как отношение между целеполаганием, с одной стороны, и действием как событием (свершившимся действием, т.е. результатом) — с другой. Причинно-следственное понимание/объяснение действия, сконцентрированное между полюсами «целеполагания» и результата «действия», занимает, как правило, все внимание социолога. Наличие же в структуре действия двух других, промежуточных, расположенных *после* целеполагания и *до* результата действия, фаз — интенции и непосредственного действия — как правило, игнорируется как малозначительное для смыслообразования в действии. Тогда как связь именно между этими элементами может прояснить вопрос о непосредственной связи с внешней средой и о креативности среды. Очевидно, что само наличие интенции (или даже цели) не влечет за собой с необходимостью непосредственного действия; этот номический «разрыв» теории, отыскивающие «первопричину» действия, заполняют волей. Волеизъявление выступает тем звеном, которое связывает интенцию и непосредственное действие, проявляет ненаблюдаемый аспект действия в наблюдаемом, «объективирует» действие. Продолжая эту линию рассуждения, рискуем утверждать, что таким же связующим звеном между двумя другими фазами действия, соответственно между целью как объектом интенции и результатом действия как свершившимся актом, служит среда, в которой осуществляется действие; она становится необходимым условием воплощения действия как свершившегося события, обладающего наблюдаемой законченностью и целостностью. Такая трактовка «среды» как пространства действия стремится избежать двух крайностей: с одной стороны, «акционизма», когда связь между «действующим» и «средой» рассматривается в плане активного воздействия действующего субъекта на среду и реактивного ответа среды, выступающей лишь как «материал», условие или вместилище действия; с другой стороны — бихевиоризма, рассматривающего действие субъекта как реакцию на воздействие стимулов «среды». Предлагаемую трактовку «среды» как креативной (в силу гетеротопичности) можно было бы назвать «интеракционистской» (без излишних коннотаций), которая устанавливает именно взаимодействие «среды» и «действующего» индивида, а это предполагает как наличие объектной стороны у субъекта действия (он остается частью, популянтom среды в

своим объектным воплощении), так и субъектной стороны у среды (она «манипулирует» действующим индивидом как своим составным элементом, индивид не выбирает «стимулы» среды, заставляющие его реагировать).

Итак, для того, чтобы выявить эту *субъектную* сторону среды, ее креативное воздействие, необходимо минимизировать субъектную сторону действующего индивида. Субъектность действующего — это прежде всего его способность к целеполаганию и, соответственно — целенаправленность его действия. При этом он должен оставаться именно «действующим» индивидом, а не физическим телом, организмом, реагирующим (рефлекторно) на стимулы среды. Иными словами, его действие должно быть интенциональным (рефлексивным и осмысленным), но *не-целенаправленным*. Это должно быть «чистое перемещение», ориентированное на *взаимодействие* со средой. Взаимодействие же со средой со стороны действующего можно ограничить двумя формами: перемещением в пространстве среды и визуализацией этого перемещения.

Взаимодействующий со средой: метаморфозы фланера

Теперь можно и обозначить исполнителя/носителя интенционального нецеленаправленного действия, соответствующего взаимодействию со средой и выявляющего ее креативные качества. В социальной литературе он получил название фланера (Flâneur).

Фланер как социальный тип и как тип действия интересен тем, что указывает на центральное положение движения в современной социальной жизни, на ее текучесть. Прохожий (пешеход, бульвардье), захваченный новыми потоками переживаний, формирует текучие представления об окружающем мире. Прогулка, проход «через» пространство среды и есть одно из проявлений интенциональности без целеполагания.

С помощью каких средств можно уловить эту транзитивность среды? Скрытый принцип изменчивости, который движет городской жизнью, требует и «соответствующего ему движения со стороны наблюдателя». Традиционные средства — карты, описания, макеты, выделение самого существенного — малопригодны. Нужно вжиться в рефлексирующего прохожего, во фланера, который, погружаясь в прогулку по городу через ощущения, эмоции и восприятия, вступает в «двусторонний контакт между городом и сознанием». В итоге этого контакта мы получаем «знание, неотделимое от этого процесса взаимодействия» (Amin, Thrift, 2002).

В современном мире (городе) с его культурной индустрией туризма, шопинга, выставками, городскими перформансами и хэппенингами, возникают и новые типы фланеризма. Это вопрос о новых формах движения в городе (скорость, плотность, опасность, заданность). Новые формы движения обуславливают и новые формы переживания городских ландшафтов (из окна несущегося на скорости или застрявшего в пробке автомобиля).

Кто такой фланер? С одной стороны — зевака, растратчик времени, человек толпы, с другой — незаинтересованный наблюдатель, тот, кто постоянно следит, классифицирует, или, по словам Бенямина, «ботаник на асфальте». Он стремится погрузиться в толпу, раствориться в ней, подчиниться случайным впечатлениям, не-

ожиданностям, он — скопофил. Но одновременно он и наблюдатель толпы, наблюдатель отстраненный. Восприятие пережитого фланером передвижения в пространстве обозначается между вовлеченностью и отстраненностью. Мобильность созерцания и постоянные колебания между погруженностью и отрешенностью позволяют (по мере того как повседневная жизнь подвергается все большей эстетизации) выработать установку, в которой городской ландшафт воспринимается как фрагментированный, но аллегоричный.

Современный мегаполис с его гетеротопиями, усложнением навигации и увеличением разнообразия темпоральных режимов передвижения превращает фланера в исследователя городской среды; зачастую ему уже и не надо предпринимать больших усилий, чтобы «остраннить», сделать странным, представить себе незнакомым известное место, поскольку оно постоянно меняется. Бесцельное, расслабленное движение все чаще нарушается необходимостью «прокладывать себе путь» в непредсказуемо изменяющемся окружении. Фланер становится сродни сталкеру, обладающему специфическим навыком и знанием, необходимыми для занятия фланированием.

Вальтер Беньямин был одним из первых теоретиков, подметивших метаморфозу фланера в современном мегаполисе (Benjamin, 1999): из свободно перемещающегося созерцателя и эстетствующего аналитика, из «ботаника на асфальте» он превратился всего лишь в винтик в огромной машине мегаполиса, и его перемещения теперь направляются непостижимыми для него самого силами. У фланера все меньше шансов сохранить свою отстраненность, все больше его захватывают, заманивают в ловушки, выводят из созерцательной сосредоточенности «коммерческие препятствия». Шопинг-фланер — это потребитель опыта, впечатлений, он наслаждается тем, что сливается с миром вещей. В то же время новым формам фланеризма сопутствуют и новые формы идентичности, сопряженные с уходом от физической ограниченности и заданности: все чаще исследователи этих форм говорят о «текучей субъективности» и свободно/контингентно конструируемой личности (Free-style Self).

Фланер, наконец, все больше превращается в «идеальный тип» (в социологическом смысле этого термина), воплощение которого возможно лишь в экспериментальных условиях.

Методы обнаружения активного воздействия среды-пространства

Одним из основных методов исследования взаимодействия среды и фланера, среды и наблюдателя за фланером, собственно методом обнаружения транзитивности, можно рассматривать так называемый *dérive* (в дословном переводе — «плыть по течению», отклоняться вместе с потоком). Ситуационисты (Г. Дебор, Р. Ванейгем, С. Хоум, М. де Серто, У. Нидерленд, А. Хатиб) (Debord, 1981b) довели разработку этого метода до техник сквозного прохода через различного рода «полости» в пространстве города. Изначально он применялся для практического обоснования так называемой теории «объединенного урбанизма», соединяющей различного рода искусства и техники для интегрированного конструирования городской среды с экспериментами в области человеческого поведения в этой среде. Техника *dérive* предполагает «конструктивно-игровое поведение» и постоянную рефлекссию относительно психо-

и социогеографических эффектов общения со средой города, что существенным образом отличает ее от известных классических описаний фланирования. Это отличие заключается в том, что на определенный период времени человек (не обязательно исследователь), использующий эту технику, должен оставить в стороне («забыть») свои привычные, традиционные мотивы/резоны/объяснения, которым он подчиняет свои перемещения по городу. Он предоставляет окружающей его непосредственно среде увлекать его, сталкивать, останавливать, менять его направление... Элемент случайности здесь менее значим, чем это может показаться с первого взгляда, поскольку с точки зрения *dérive* городская среда имеет свой неповторимый социо- и психогеографический рельеф, с его постоянными потоками и течениями, фиксированными точками и водоворотами, который не позволяет войти в определенные зоны или выйти из них. Определение этого рельефа посредством *dérive* требует учета как принципов пространственной организации (экологии в широком смысле слова), так и социальной морфологии. Если случай и играет в технике *dérive* какую-то роль, то, как считают ее создатели, это лишь потому, что она находится пока в начале своего практического развития. Роль случая здесь в целом консервативна: случай ограничивает интенциональное нецеленаправленное действие как выбор (пусть случайный) между конечным (наиболее надежным в неожиданном окружении) числом альтернатив и привычкой. *Dérive* в этом смысле — это проход действующего сквозь/через пространство, в котором правит случай, вовлекая передвигающегося в те или иные пространства и направляя его в передвижении посредством новых (неопределенных) возможностей, более благоприятных (предположительно) для достижения его целей. Здесь можно сказать, что случайность и неопределенность *dérive* принципиально отличает его от фланирования как такового, поскольку теперь креативные характеристики среды проявляются в процессе уже целенаправленного взаимодействия со средой (что следует отличать от целенаправленного действия в среде или с использованием среды как условия действия).

Эти случайные открытия взаимодействующего со средой психогеографа (перемещающегося в технике *dérive*) опасны тем, что имеют тенденцию закрепляться, фиксироваться вокруг новых привычных мест, к которым он будет впредь стремиться и возвращаться.

Техника *dérive*, в отличие от фланирования, скорее сродни военной стратегии и исследованию навигации, когда перемещение определено как «просчитанное действие, обусловленное отсутствием четкой разметки места». В этом смысле *dérive* выступает как стратегический прием для рекогносцировки на месте, ознакомление с местом на случай его будущего захвата⁴.

С технической точки зрения *dérive* можно осуществлять и в одиночку, однако лучше это делать небольшими группами (2–3 человека), что позволяет уточнять и детализировать один и тот же маршрут. Техника *dérive* может быть использована

4. Использующий этот метод исследователь по образному выражению Стюарта Хоума напоминает шпиона, засланного на вражескую территорию (Home, 1991). А Роберт Макфарлейн замечает, что составление карт всегда предшествовало имперским проектам, поскольку нанесение страны на карту означает не только ее географическое, но и стратегическое познание, что равносильно обретению «логистической власти» над территорией (McFarlane, 2003).

как на всем пространстве города, так и применительно к ограниченному его фрагменту. Не всегда она связана обязательно с передвижением: возможен и статический *dérive* — наблюдение в течение, скажем, целого дня перемещений внутри аэропорта или железнодорожного вокзала. Полученные с помощью этого метода данные уже позволили сформулировать первые психогеографические описания современных городов. Главный результат этих описаний — предположение о том, что в городской среде существуют психогеографические осевые точки. Расстояния между ними на психогеографических картах могут иметь очень мало общего с расстояниями на обычных картах. Психо- и социографическая карта составляется с использованием старых (исторических и «неправильных») карт, аэрофотосъемки, спутникового наблюдения, планов проезда к тем или иным местам, результатов социального картографирования, словом, любых попыток зафиксировать движение в пространстве городской среды и создать навигационный инструмент для перемещающегося. Другой метод, с помощью которого фиксируется «наложение отпечатков» в среде города известен (в том числе среди ситуационистов) как *détournement* (возвращение, повторение пройденного). Изначально метод сформировался для анализа современных произведений искусства и заключался в обнаружении интегрированности, наложения элементов из различных (прошлых или настоящих) произведений в едином контексте. Любые элементы, неважно, откуда взятые, могут быть использованы для новых комбинаций; если два объекта сталкиваются и соприкасаются (неважно, насколько разнятся контексты их происхождения, между ними всегда устанавливается отношение). Это отношение создает синтетическую организацию, превосходящую по эффективности воздействия свои оригинальные составляющие.

При этом *détournement* не ограничивает синтез использованием аутентичных элементов, это своего рода плагиат, который предполагает освобождение слова, образа, действия от простого повторения, но позволяет изменять его значение в соответствии с новым контекстом, «оставляя имбициллам их хваленое пристрастие к точным цитатам» (Debord, Wolman, 1981). Иначе говоря, *détournement* освобождает значение от его оригинального контекста, деконтекстуализирует его. В случае с применением этого метода к анализу контрфинальности среды можно говорить о высвобождении результата действия, участвующего в конституировании контрфинальности, из контекста его телеологического объяснения, т. е. его освобождении из контекста его изначально полагаемой (самим действующим) цели. Ги Дебор предложил различать две разновидности *détournement*: 1) «низший» *détournement*, когда сам по себе незначительный и непримечательный (даже обыденный) элемент приобретает большее значение, будучи помещен в новый, до сих пор несоотносимый с ним контекст; 2) «обманчивый» *détournement*, когда, наоборот, многозначительный элемент, вводимый в новый контекст, полностью этот контекст преобразовывает.

Наблюдаемые в среде современного города тенденции к *détournement* по большей части являются случайными и неосознанными, за исключением индустрии рекламы. Если распространить *détournement* на урбанистические реализации, то самыми наглядными примерами здесь могут служить разнообразные случаи «диснеификации»: точной реконструкции того или иного известного архитектурного объекта (или его фрагмента) в другом месте, там, где его никогда не было. В этом смысле среда мегапо-

лиса не может быть абсолютно неизвестной, от этого ее спасают процессы, связанные с *détournement*.

Техники *dérive* и *détournement* вряд ли можно назвать «техниками» или «методами» исследования в строгом смысле слова; это, скорее, способы видения и описания взаимодействия (не спланированного, не рассчитанного, спонтанного) со средой в самом процессе взаимодействия, изнутри этого взаимодействия. Такого рода «участвующее описание» не может осуществляться исключительно в понятиях, акцентирующих активную/субъектную роль «действующего» в отношении «среды», но требует принципиально иного подхода к трактовке самого понятия «среда-пространство». Этот подход отличается и от когнитивной социологии пространства, и от «новой социальной/культурной географии» с их интересом к ментальным картам, смыслам различных пространственных форм, восприятию пространства, изучению пространства как условия организации взаимодействия и организации взаимодействия в пространстве, социальному производству и репрезентации пространства, символизации власти через пространственные формы и т. п. Специфика этого подхода обусловлена интересом к «креативности среды» и ее многообразным проявлениям, будь то «репрезентационные места» (Lefebvre, 1991), «маргинальные пространства» (Shields, 1991), «лиминальные/лиминоидные места» (Turner, 1969), «парадоксальные пространства» (Rose, 1993), «гетеротопии» (Foucault, 1980, 1986). Исследования подобного рода мест, отмеченных трансгрессией и неопределенностью, где происходит движение, изучение «пространств беспорядка», в которых формируются способы упорядочивания и альтернативы порядка (Law, 1994), предполагают и своего рода пространственную трактовку порядка. Здесь порядок — это не то, что мы («действующие») производим, но то, в чем мы все с нашими действиями находимся, наполнителями чего мы выступаем (Garfinkel, 2002); здесь порядок — это среда, обладающая субъектными свойствами и способностью упорядочивать наравне с «действующими» в ней субъектами.

Таким образом, если «действующий» упорядочен своими действиями и действиями других (Hetherington, 1997), то и среда (в особенности — пространство современного мегаполиса) упорядочивается действиями «действующих» в ней («производящих» ее), равно как и собственными воздействиями на них посредством «невидимой руки» аккумулируемых этой средой контрфинальных эффектов действия/производства.

Литература

- Баньковская С. П. (1991). Инвайронментальная социология. Рига: Зинатне, 1991.
- Беньямин В. (2000). Озарения / Пер. с нем. Н. М. Берновской, Ю. А. Данилова, С. А. Ромашко. М.: Мартис, 2000.
- Вирт Л. (2005). Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН, 2005.
- фон Вригт Г. Х. (1986). Объяснение и понимание // фон Вригт Г. Х. Логико-философские исследования. М.: Прогресс, 1986. С. 37–194.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. (2010). Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Я. И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Парк Р. (2002). Экология человека / Пер. с англ. С. П. Баньковской // Теоретическая социология: Антология. В 2 ч. Ч. 1 / Сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М.: Университет, 2002. С. 374–390.

- Парк Р. (2008a). Город как социальная лаборатория / Пер. с англ. С. Баньковской // Социологическая теория: история, современность, перспективы: Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 29–43.
- Парк Р. (2008b). Сознание бродяги: рассуждения по поводу соотношения сознания и перемещения / Пер. с англ. С. Баньковской // Социологическая теория: история, современность, перспективы: Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 53–57.
- Amin A., Thrift N. (2002). Cities: reimagining the urban. Cambridge: Polity Press, 2002.
- Anscombe G. E. M. (1963). Intention. Cambridge: Harvard University Press, 1963.
- Artaud A. (1968). The theatre of cruelty // The theory of the modern stage / Ed. by E. Bentley. Penguin, 1968.
- Benjamin W. (1999). The Arcades Project / Trans. by H. Eiland and K. McLaughlin. Cambridge; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1999.
- Coverley M. (2006). Psychogeography. Harpenden: Pocket Essentials, 2006.
- Debord G. (1981a). Theory of the Dérive // Situationist International Anthology / Ed. by K. Knabb. Berkeley: Bureau of Public Secrets, 1981. P. 50–54.
- Debord G. (1981b). Introduction to a critique of urban geography // Situationist International anthology / Ed. by K. Knabb. Berkeley: Bureau of Public Secrets, 1981. P. 5–8.
- Debord G. (1992). Society of the spectacle. London: Rebel Press, 1992.
- Debord G., Wolman G. J. (1981). Methods of Détournement // Situationist International anthology / Ed. by K. Knabb. Berkeley: Bureau of Public Secrets, 1981. P. 8–14.
- Deleuze G., Guattari F. (1987). A thousand plateaus. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987.
- Elster J. (1978). Logic and society: contradictions and possible worlds. Chichester; New York: Wiley, 1978.
- Featherstone M. (1998). The flâneur, the city and virtual public life // Urban Studies. 1998. Vol. 35. № 5–6. P. 909–925.
- Foucault M. (1986). Of other spaces // Diacritics. 1986. Spring. P. 22–27.
- Foucault M. (1980). A question of geography // Foucault M. Power/Knowledge / Ed. by C. Gordon. London: Harvester Press, 1980. P. 63–77.
- Garfinkel H. (1963). A conception of, and experiments with, «trust» as a condition of stable concerted actions // Motivation and social interaction: cognitive determinants / Ed. by O. J. Harvey. New York: Ronald Press. P. 187–238.
- Garfinkel H. (2002). Ethnomethodology's program: working out Durkheim's aphorism. Lanham: Rowman & Littlefield, 2002.
- Hawley A. (1955). Human ecology: a theory of community structure. New York: Ronald Press, 1955.
- Hetherington K. (1997). The badlands of modernity: heterotopia and social ordering. London: Routledge, 1997.
- Home S. (1991). The assault on culture: utopian currents from lettrisme to class war. Edinburgh: AK Press, 1991.
- Law J. (1994). Organizing modernity. Oxford: Blackwell, 1994.
- Lefebvre H. (1991). The production of space. Oxford: Blackwell, 1991.
- Lefebvre H. (2004). Rhythmanalysis: space, time and everyday life. London: Continuum, 2004.
- Lefebvre H., Régulier-Lefebvre C. (1985). Le project rythmanalytique // Communications. 1985. Vol. 41. P. 191–199.
- McFarlane R. (2003). Mountains of the mind. London: Granta, 2003.

- McKenzie R. D.* (1937). Social ecology // The encyclopedia of social sciences. Vol. 5. New York: Macmillan & Collier, 1937. P. 314–315.
- Park R. E.* (1915). The city: suggestions for the investigation of human behavior in the urban environment // American Journal of Sociology. 1915. Vol. 20. № 5. P. 577–612.
- Park R. E.* (1927). Human nature and collective behavior // American Journal of Sociology. 1927. Vol. 32. № 5. P. 695–703.
- Park R. E.* (1955). Society: collective behavior, news and opinion, sociology and modern society. Glencoe: Free Press, 1955.
- Park R. E., Burgess E. W.* (Eds.). (1926). Introduction to the science of sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1926.
- Park R. E., Burgess E. W., McKenzie R. D.* (1925). The city. Chicago: University of Chicago Press, 1925.
- Rose J.* (1993). Feminism and geography. Oxford: Polity Press, 1993.
- Schnore L. F.* (1955). Social morphology and human ecology // American Journal of Sociology. 1955. Vol. 63. № 6. P. 620–634.
- Shields R.* (1991). Places on the margin. London: Routledge, 1991.
- Smith R. G.* (1955). World city topologies // Progress in Human Geography. 2003. Vol. 27. № 1. P. 25–44.
- Solnit R.* (2001). Wanderlust: a history of walking. London: Verso, 2001.
- Turner V.* (1969). The ritual process. London: Routledge & Kegan Paul, 1969.